

СТАТУС УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММЫ ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОГО ОПЛОДОТВОРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблема определения семейно-правового статуса мужчины, участвующего в программе экстракорпорального оплодотворения. Автор исследует основания и содержание, специфику и правовые последствия применения данного вида вспомогательных репродуктивных технологий. Формулируется вывод о потенциальном расширении круга лиц, обладающих родительскими правами и обязанностями по отношению к ребенку, родившемуся в результате применения этих методов.

Ключевые слова: *семейное право; родительские права и обязанности; экстракорпоральное оплодотворение; установление отцовства.*

Совершенствование механизма применения вспомогательных репродуктивных технологий, а также включение экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО) в Программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи [3] повлекло за собой увеличение числа обращений граждан за оказанием такой медицинской услуги и, соответственно, рост числа детей, родившихся в результате применения ЭКО.

Безусловно, для решения демографической проблемы так называемая успешность протоколов ЭКО является весьма значимым показателем. В определенной степени можно согласиться и с тем, что применение вспомогательных репродуктивных технологий позволяет мужчинам и женщинам, как состоящим, так и не состоящим в браке, в том числе между собой, реализовывать социальную функцию материнства и отцовства.

В то же время следует признать, что соответствующие отношения так и не получили полноценной правовой регламентации с точки зрения упорядочивания семейно-правовых связей участников тех или иных программ по применению вспомогательных репродуктивных технологий.

Справедливости ради отметим, что Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) [1] уже почти двадцать пять лет назад предусмотрел некие ориентиры правового формата исследуемых правоотношений. Речь идет о двух статьях СК РФ: ст. 51, устанавливающей правила совершения записи о родителях ребенка, родившегося у лиц в результате применения метода искусственного

оплодотворения или имплантации эмбриона, а также ребенка, которого выносила и родила суррогатная мать, и ст. 52, определяющей императивный запрет на оспаривание отцовства и материнства соответствующими лицами со ссылкой на обстоятельства (применение вспомогательных репродуктивных технологий).

В науке семейного права сформировалось несколько направлений исследования вопросов реализации гражданами своих репродуктивных прав посредством участия в соответствующих медицинских программах: соотношение семейного и медицинского законодательства [2], правовая природа договора о суррогатном материнстве и др.

Достаточно разнообразна и практика правоприменения, что, в свою очередь, стало поводом для дачи разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [5].

В то же время совершенно неисследованным в теории семейного права остается вопрос формирования родительского правоотношения, возникновения родительских прав и обязанностей лиц, являющихся участниками программы по оказанию медицинской помощи такого вида.

Очевидно, что разработчики ныне действующего СК РФ исходили однозначно из того, что заказчиками в программах искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона выступают лишь супруги. В п. 4 ст. 51 СК РФ обозначены «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона», в п. 3 ст. 52 СК РФ ограничения по оспариванию отцовства установлены для супруга, который дал свое согласие на применение вышеуказанных методов.

Но современная действительность демонстрирует настолько разнообразные формы организации семейной жизни, что идея формального признания сохранения традиционных семейных ценностей как принципа семейного законодательства находится под угрозой воплощения. Безусловно, каждый мужчина и каждая женщина имеют право самостоятельно выбирать ту или иную форму реализации репродуктивной функции, особенно при наличии на то медицинских показаний.

Однако суждения о «праве взрослых на ребенка» должны найти продолжение в плоскости правоотношений с участием ребенка, который родился в результате применения, в частности, метода искусственного оплодотворения. Использование генетического материала донора порождает проблему комплексного содержания, а именно правового характера, но осложненную морально-нравственными категориями. Ведь донор и ребенок однозначно являются близкими кровными

родственниками, что может быть подтверждено результатами молекулярно-генетической экспертизы.

Важно отметить, что в упомянутых выше п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 3 ст. 52 СК РФ содержатся лишь правила о том, что супруги записываются родителями ребенка, родившегося вследствие применения метода искусственного оплодотворения, и что супруг не может оспорить свое отцовство, ссылаясь на данное обстоятельство.

Примечательно, что Пленум Верховного Суда РФ в п. 32 названного ранее постановления разъясняет, что использование «донорского генетического материала не влечет установления родительских прав и обязанностей между донором и ребенком независимо от того, было данное лицо известно родителям ребенка или нет (анонимный донор)». Кроме этого лицо, являвшееся донором генетического материала, не может ссылаться на то обстоятельство, что оно является «фактическим родителем» ребенка. По тем же основаниям, считает Пленум, не могут быть удовлетворены и требования лиц, записанных родителями ребенка, об установлении отцовства в отношении донора.

Согласимся, в большей степени данные разъяснения ориентированы на перспективу предъявления требований о содержании ребенка, т.е. о взыскании алиментов.

Но вышеприведенные нормы и разъяснения по их применению предполагают предъявление требований родителями («юридическими» или «фактическими»). Согласно ст. 54 СК РФ ребенок имеет право знать своих родителей. Значит ли это, что ребенок имеет право получить информацию о доноре, который является его отцом?

Заметим, что среди лиц, имеющих право оспорить в судебном порядке запись родителей (отцовство или материнство), в п. 1 ст. 52 СК РФ назван и ребенок, достигший совершеннолетия. Таким образом, ребенок может потребовать в итоге установления отцовства в отношении лица, ставшего донором, если это не анонимный донор?

Действующее законодательство предусматривает такой институт, как тайна усыновления (ст. 139 СК РФ), вследствие чего усыновленный ребенок определенным образом ограничен в праве знать своих родителей по крови, если на то нет воли усыновителей. Ребенок, который был рожден вследствие применения метода искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона, не имеет подобных формальных ограничений, в связи с чем не может быть исключена и перспектива подачи им иска об оспаривании отцовства лица, записанного в качестве его отца, и установлении отцовства донора, сведения о котором известны.

Безусловно, смоделированные правовые последствия во многом зависят от усмотрения участников программы по оказанию

медицинской помощи, добросовестного их поведения при заключении и исполнении соответствующих обязательств.

Возвращаясь к негативному прогнозу сохранения традиционных семейных ценностей в структуре родительского правоотношения, нельзя не отметить, что даже Пленум Верховного Суда РФ расширил пределы лексикона: «потенциальные родители», «фактический родитель», «донор генетического материала» и т.п. Почву для дальнейших рассуждений о семейно-правовом статусе «родителей» (используем обобщенное понятие) ребенка, рожденного при применении метода искусственного оплодотворения с участием донора, создают и материалы судебной практики, причем степень разнообразия сюжетной линии соответствующих споров постоянно возрастает.

Итак, некто С.Я. Топова (все персональные данные изменены – *О.И.*) обратилась к К.С. Баранову с иском об установлении отцовства в отношении И.К. Топовой, 2017 года рождения, и Д.К. Топовой, 2017 года рождения, и о взыскании с него алиментов на содержание данных несовершеннолетних [6].

По мнению С.Я. Топовой, ответчик является отцом ее детей, поскольку они вместе участвовали в программе экстракорпорального оплодотворения, в рамках которой ответчик подписывал согласие принимать участие в воспитании будущих детей. Суть претензии С.Я. Топовой заключается в том, что в настоящее время (на момент подачи иска – *О.И.*) К.С. Баранов отказывается подать в орган загса заявление об установлении отцовства, соответственно, не оказывает и помощи истцу в воспитании и содержании детей.

Следует отметить, что суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска. В то время как апелляционным определением судебной коллегии областного суда данное решение было отменено, принято новое решение, которым исковые требования С.Я. Топовой удовлетворены в полном объеме.

Ответчик посчитал необходимым обратиться с кассационной жалобой, вследствие чего судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ выявила существенные нарушения норм материального права.

Кажущееся на первый взгляд элементарным требованием об установлении отцовства, исковое заявление С.Я. Топовой таковым не является.

Более того, правоотношения истца и ответчика, сложившиеся на этапе участия в программе экстракорпорального оплодотворения, отличались спецификой семейно-правового статуса каждого из них.

С.Я. Топова и К.С. Баранов в браке между собой не состояли. Однако К.С. Баранов состоял на момент участия в программе в браке с О.Г. Барановой, с которой имеет двух несовершеннолетних дочерей.

Статус супруга не помешал К.С. Баранову вместе с С.Я. Топовой в январе 2016 года обратиться в ЗАО Медицинский центр «ИРМА» с заявлением о проведении лечения бесплодия методом ЭКО с использованием спермы выбранного истцом донора – К.С. Баранова

Более того, ответчик в этом же заявлении просил произвести криоконсервацию его спермы на один год и использовать ее в течение указанного срока хранения для оплодотворения С.Я. Топовой.

При проведении первого этапа базовой программы ЭКО беременность С.Я. Топовой не наступила.

Спустя несколько месяцев С.Я. Топова повторно, но уже без ответчика, обратилась в тот же медицинский центр с таким же заявлением. После совершения необходимых манипуляций были получены качественные эмбрионы, перенесены С.Я. Топовой, у которой через некоторое время и родились две дочери.

Заметим, что ответчик не оспаривал факт использования его генетического материала.

Позиция суда первой инстанции была основана исключительно на анализе семейно-правовой связи между истцом и ответчиком, вернее, факта ее отсутствия. Ответчик являлся всего лишь донором генетического материала, обязательств по воспитанию и содержанию детей на себя не принимал.

Весьма интересна в данном контексте позиция суда апелляционной инстанции: К.С. Баранов проходил программу ЭКО как «гражданский муж» истца, медико-генетическое обследование не проходил, индивидуальная карта донора на него не заводилась. Именно поэтому суд апелляционной инстанции констатировал, что ответчик проходил программу ЭКО «не в качестве донора половых клеток, а в качестве партнера истца, в связи с чем у него возникли родительские права и обязанности в отношении родившихся у С.Я. Топовой детей».

Мало того, что суд апелляционной инстанции допускает использование понятия «гражданский муж», так еще и полагает, что «партнерские» отношения между истцом и ответчиком могут быть основанием для возникновения родительских прав и обязанностей ответчика в отношении детей, рожденных истцом.

В ходе рассмотрения кассационной жалобы Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ были установлены еще не менее интересные подробности «семейно-правового статуса» истца и ответчика: последний подписал заявление о добровольном согласии на медицинское вмешательство с использованием его спермы в графе «муж».

Заметим, что форма заявления, содержащаяся в Приложении 12 к Порядку использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничений к их применению [4], не предусматривает указаний на необходимость обозначения правовых

статусов заявителей (муж/жена), в связи с чем заявление С.Я. Топовой и К.С. Баранова не соответствует установленной форме.

Более того, учитывая, что ЭКО выступает методом лечения бесплодия женщины, автором заявления на участие в программе ЭКО выступает женщина. В связи с этим своей подписью на данном заявлении К.С. Баранов лишь подтвердил указанные его данные как донора генетического материала.

Заслуживает внимания и то, как Судебная коллегия Верховного Суда РФ истолковала фразу «Я обязуюсь ...», наличествующую в тексте заявления истца и ответчика об участии в программе ЭКО. Учитывая единый контекст и смысл всего заявления, эта фраза относится исключительно к отношениям по осуществлению соответствующего медицинского вмешательства.

Именно данный вывод дает основания считать ошибочной позицию суда апелляционной инстанции, согласно которой подпись К.С. Баранова в графе «муж» подтверждает его обязательство принять на себя все права и обязанности родителя.

Коллегия Верховного Суда РФ обратила внимание еще и на то, что ответчик одновременно подчеркнул в заявлении два взаимоисключающих пункта (я обязуюсь взять (не обязуюсь взять) все права и обязанности родителя в отношении будущего ребенка), что не дает оснований для вывода о согласии К.С. Баранова принять на себя обязательства в отношении будущих детей.

Как уже было отмечено, на первом этапе программы беременность С.Я. Топовой не наступила.

Как следует из п. 25 указанного Порядка, решение о дальнейшей тактике принимает лицо, которому принадлежат эмбрионы, с оформлением среди прочих документов договора о донорстве.

Интересная деталь: К.С. Баранов в своем заявлении просит произвести криоконсервацию его генетического материала на год и использовать материал для оплодотворения С.Я. Топовой, но договор о донорстве между медицинским учреждением и К.С. Барановым заключен не был по не зависящим от ответчика причинам.

Таким образом, правоотношения между медицинским центром и ответчиком после неудачной беременности истца на первом этапе программы ЭКО частично закончились, продолжало действовать лишь указание относительно криоконсервации.

Как следует из материалов дела, на повторную программу С.Я. Топова приехала одна, подписи в соответствующем заявлении от имени К.С. Баранова сделаны истицей. Однако в заявлении С.Я. Топова просит «провести ей ЭКО с использованием ооцитов профессионального донора».

Данная процедура в соответствии с названным ранее Порядком является более технологичным способом, не охватывается рамками

базового этапа проведения ЭКО, признается самостоятельным медицинским вмешательством.

Таким образом, данная процедура была осуществлена по единоличному волеизъявлению С.Я. Топовой на основании только ее информированного добровольного согласия.

Налицо и нарушение со стороны медицинского учреждения: при отсутствии договора о донорстве между клиникой и К.С. Барановым генетический материал последнего был использован для проведения медицинского вмешательства С.Я. Топовой (напомним, она дала согласие на «ЭКО с применением ооцитов профессионального донора») как материал неанонимного донора.

Таким образом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ полагает, что принятое судом первой инстанции решение является законным.

Вышеизложенное позволяет сделать несколько формальных выводов:

- во-первых, действующее законодательство регламентирует отношения по установлению правоотношений между родителями и детьми, родившимися в результате применения ЭКО, только для лиц, имеющих статус супругов;

- во-вторых, в той ситуации, когда мужчина и женщина не состоят в браке между собой, даже если мужчина и принимает «обязательство» в отношении будущих детей, это не может быть основанием для безусловного возникновения его родительских прав и обязанностей. Установление отцовства в данном случае происходит в добровольном порядке посредством подачи заявления установленной формы в орган загса (п. 3 ст. 48 СК РФ);

- в-третьих, существует объективная потребность в приведении документов, оформление которых сопровождает процедуру ЭКО, в соответствие в общими началами и нормами семейного законодательства.

Но нельзя оставить за пределами внимания и следующее.

История, повлекшая за собой настоящее судебное разбирательство, демонстрирует наглядно проблему приоритета интересов потенциальных родителей перед интересами будущих детей, с целью рождения которых мужчина и женщина участвуют в программе ЭКО. Напомним, К.С. Баранов в течение всего этого периода состоит в браке, он имеет несовершеннолетних детей, но при этом выступает донором генетического материала для другой женщины. Кстати, будучи осведомленной о семейно-правовом статусе ответчика, С.Я. Топова сознательно шла на создание неполной семьи.

Невозможно не отметить еще раз и позицию носителя публичной власти, публичного интереса. Суд апелляционной инстанции признает «партнерство» женщины с донором спермы как основание для

установления отцовства, констатируя тем самым статусность фактического союза.

Безусловно, применение процедуры ЭКО может быть определено как объективными, так и субъективными причинами, но в любом случае это должно быть ответственное решение исходя из цели – рождение ребенка. Приведенная история наглядный тому пример: при всей иронии относительно социальной безответственности С.Я. Топовой и К.С. Баранова по использованию генетического материала ответчика в удовлетворении иска об установлении отцовства и взыскании алиментов отказано, права ребенка нарушены его родителями.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства РФ от 22 октября 2012 г. № 1074 «О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 г. № 107н (ред. от 01.02.2018 г.) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 г. № 27010) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2019 г. № 64-КГ19-6 // Информационная база «СудАкт».

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 8737-6386, e-mail: kinder_advokat@rambler.ru

**STATUS OF PARTICIPANTS IN THE IN VITRO FERTILIZATION
PROGRAM IN THE CONTEXT OF PARENTAL RIGHTS
AND RESPONSIBILITIES**

O.U. Ilina

Tver State University

The article examines the problem of determining the family legal status of a man participating in the in vitro fertilization program. The author examines the grounds and content, specifics and legal consequences of using this type of assisted reproductive technologies. The conclusion is formulated about the potential expansion of the circle of persons who have parental rights and responsibilities in relation to a child born as a result of the use of these methods.

Keywords: *family law; parental rights and responsibilities; in vitro fertilization; establishment of paternity.*

About the author:

ILINA Olga – doctor of Jur. Sciences, Professor, Dean of the faculty of law of Tver state University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33); SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 108 – 116.